

УДК 373.1

DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-2-84-96

Отношение русскоязычных родителей в Финляндии к ситуации многоязычия и языковому образованию детей

Е. Ю. Протасова^{✉1}

¹ Хельсинкский университет, а/я 4, 00014, Финляндия, г. Хельсинки, ул. Юлиопистонкату, д. 3

Сведения об авторе

Екатерина Юрьевна Протасова,
SPIN-код: 8492-9964,
Scopus AuthorID: 25029643400,
ORCID: 0000-0002-8271-4909,
e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Для цитирования:

Протасова, Е. Ю. (2019)
Отношение русскоязычных родителей в Финляндии к ситуации многоязычия и языковому образованию детей. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 1, № 2, с. 84–96.
DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-2-84-96

Получена

17 июля 2019;
прошла рецензирование
17 октября 2019;
принята 25 октября 2019.

Права:

© Автор (2019). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, в котором анализируется отношение русскоязычных родителей в Финляндии к языковому образованию своих детей. В основу исследования было положено анкетирование 90 русскоязычных родителей в Финляндии. Респонденты ответили на вопросы о том, из каких регионов России и по какой причине они переехали в Финляндию, какое образование они получили в стране рождения и в стране проживания, какими языками они владеют и как их используют, как определяют свою идентичность. Исследование позволило охарактеризовать отношение русскоязычных родителей к системам образования в Финляндии и России, а также выявить их представление об идеальной системе образования, о языках образования и об использовании современных коммуникационных технологий и медиа в языковом образовании. Рассматриваются вопросы формирования языковой личности ребенка в условиях двуязычия, способы поддержки и перспективы влияния родительских объединений на билингвальное образование. Установлено, что родители, переехавшие в Финляндию в детском возрасте или родившиеся в Финляндии, как правило, не осведомлены о российской системе образования, а те, кто учился еще в СССР, плохо представляют себе, как работает современная российская школа, однако понимают, что как советская, так и российская системы образования имеют как плюсы, так и минусы. Респонденты владеют несколькими языками и используют их в разных сферах жизни. Установлено, что дети разного возраста и пола, проживающие в одной семье, в разной степени владеют русским и другими языками. Дети в семьях нечасто пользуются новыми медиа, хотя все родители считают естественным требование владения компьютерными навыками, полагая, однако, что процесс их формирования не следует форсировать. При общей положительной оценке финской системы образования респонденты ощущают дефициты в обучении детей русскому языку как родному и как иностранному, что отчасти компенсируется дополнительным частным образованием и многочисленными формами родительской помощи. Респонденты высказывают разнообразные конкретные предложения по поддержке русского языка, в частности, через организацию в течение года детских лагерей разной направленности и длительности, через учреждение объединений родителей, ставящих перед собой цель создания русскоязычной среды, проведение совместных мероприятий по интересам, совершенствование учебников и программ обучения.

Ключевые слова: семейная языковая политика, поддержка домашнего языка, русскоязычные в Финляндии, детский билингвизм, опрос русскоязычных родителей за рубежом, система образования глазами родителей.

The Russian-speaking parents in Finland about their children and their education

E. Yu. Protassova✉¹

¹University of Helsinki, P.O. Box 4, 3 Yliopistonkatu, Helsinki 00014, Finland

Author

Ekaterina Yu. Protassova,
SPIN: 8492-9964,
Scopus AuthorID: 25029643400,
ORCID: 0000-0002-8271-4909,
e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

For citation:

Protassova, E. Yu. (2019)
The Russian-speaking parents in
Finland about their children and
their education. *Language Studies
and Modern Humanities*,
vol. 1, no. 2, pp. 84–96.
DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-
2-84-96

Received

17 July 2019;
reviewed 17 October 2019;
accepted 25 October 2019.

Copyright:

© The Author (2019). Published
by Herzen State Pedagogical
University of Russia. Open access
under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The article considers the problem of the family language policy on the base of the survey of the 90 Russian-speaking parents in Finland. The parents tell from where and why they immigrated to Finland, about the education gained in their country of birth and in their country of dwelling, about their language knowledge and its application principles, as well as identity issues. Then, the study analyzes the parents' relation to the educational systems in Finland and Russia and their views upon the ideal educational system, upon the languages of education and the use of the new media. It deals with the language competences of the children, with the language maintenance means and with perspectives of the parents' unions influence on the situation of the bilingual upbringing. It is demonstrated that many parents who were born in Finland or immigrated to the country at a childhood age may lack of the representations of the Russian pedagogical system and those who studied back in the USSR have inadequate views upon the functioning of the modern Russian school. Both systems reveal pluses and minuses. The respondents know many languages and use them in various spheres of life. Children, even those who were born in the same family, of different age and gender, know Russian and other languages to different degrees. They do not use new media very often, although parents think that computer literacy is natural these days, there is no hurry with this. The positive attitude toward the Finnish educational system combines with the feeling of the insufficiency in the sphere of teaching Russian as a home and as a foreign language, partly already compensated through the private supplementary education and through multiple forms of the parents' help. Diverse specific proposals concern the development of the Russian language maintenance: creation of the camps of various directions and duration throughout the year, parents' unions with the goal to organize collaborative events according to all interests and to promote the Russian-speaking communicative milieu, to elaborate better textbooks and programs.

Keywords: family language policy, the home language maintenance, Russian-speakers in Finland, child bilingualism, a survey of the Russian-speaking parents abroad, the educational system through the eyes of parents.

Введение

Семейная языковая политика — актуальный термин, обозначающий то, как семья определяет языковое развитие ребенка. Со времен выхода в свет основополагающего исследования Б. Харта и Т. Р. Рисли «Meaningful differences in the everyday experience of young American children» (Hart, Risley 1995), показавшего, насколько лексически различается в количественном и качественном отношении речь, обращенная к детям в семьях с высоким и низким социально-экономическим статусом, педагоги стали обращать больше внимания на адресованные детям высказывания. Стало ясно, что школьный и жизненный успех часто связан с тем, как устроено общение с ребенком. Применительно к дву- и многоязычным семьям стали говорить о семей-

ной языковой политике (см. обзор литературы и актуальное состояние исследований в книгах Никунласси, Протасова 2018; Naque, Le Lièvre 2019; Schwartz, Verschik 2013). Этот термин приобрел особое значение, когда вместе с распространением научных знаний о детском развитии среди родителей выросло понимание того, что речь можно и нужно не только целенаправленно поддерживать, но и содержательно наполнять. При этом следует говорить о стратегии, направленной не на сиюминутное достижение успеха или радости от того, что ребенок знает несколько слов на разных языках, а о дальновидном планировании на будущее, которое учитывает, как ребенок на разных возрастных этапах (малыш — школьник — подросток) будет погружаться в тот или иной язык, осознавать, что и как он может делать на нем, от кого и чему

учиться, где и зачем применять полученные знания. Отмечая существенное увеличение количества публикаций по семейной языковой политике (Chumak-Horbatsch 2008; Kheirkhah 2016; Ringblom, Karpava 2020; Smith-Christmas 2016; Wilson 2020), приходится с сожалением констатировать, что до реального воплощения ее адекватных принципов на практике еще достаточно далеко.

В Финляндии существуют, с одной стороны, устоявшиеся традиции формирования двуязычия, с другой — новые, адаптирующиеся к меняющейся ситуации тренды (Бурса 2016; 2019а; 2019b; Protassova 2018). В частности, двуязычие считается большим преимуществом, поощряется, поддерживается в школьные годы на муниципальном уровне (школьники могут бесплатно в сетке расписания заниматься домашним языком в объеме двух академических часов в неделю при наличии группы детей и педагога). Существуют двуязычные детские сады и школы разных образовательных моделей в нескольких городах Финляндии. В столичном регионе таких возможностей много, хотя полноценно работающие разновозрастные группы собираются редко — чаще это группы разноуровневые, причем классы переполнены. В то же время есть регионы, где все еще трудно организовать поддержку изучения русского языка. В больших городах существует также множество организаций, в которых дети в свободное время занимаются на русском языке театром, математикой, искусством, спортом и т. п. В небольших городах работают созданные по инициативе матерей кружки, например, при библиотеках.

Настоящее исследование ставило перед собой целью выяснить, что думают родители о многоязычном образовании, как оценивают уровень владения языками свой и своих детей, что ценят в образовании вообще, каким хотели бы его видеть и как их дети пользуются новыми медиа. Представляется, что подобные исследования актуальны для родителей и в России (Кошкина 2019). Форма проведения опроса — интернет-анкета — была распространена через социальные сети, пользователи которых живут в Финляндии. Вопросы анкеты и ответы на них будут рассмотрены ниже.

Результаты исследования

Характеристика респондентов и их мультикультурности

Среди опрошенных 90 % составляют женщины, 10 % в возрасте от 21 до 30, 59 % — от 31 до 40, 23 % — от 41 до 50, 8 % — от 51 до 60; респон-

денты в возрасте младше 20 и старше 60 лет в опросе участия не принимали. Такое возрастное распределение соответствует целевой группе (в опросе участвовали родители дошкольников и школьников). Небольшое количество респондентов-мужчин в подобных опросах обычно связано с тем, что, как показывает мировая практика, вопросы воспитания детей входят в естественные обязанности женщин. Родительские стратегии мужчин и женщин заметно не различаются.

Страна рождения у 57 % опрошенных — Россия, 21 % помнят СССР, 8 % совместили воспоминания о СССР и о новой России. Из Эстонии переехало 8 %, 3 % — из Украины, по одному человеку — из Беларуси, Латвии и Узбекистана¹. Участники опроса прожили в стране исхода в среднем 26 лет (от 4 до 43 лет), т. е. переехали в детском возрасте или будучи уже взрослыми, чаще всего молодыми взрослыми людьми. В Финляндии проживают в среднем 11 лет (от 1 года до 28 лет).

В стране исхода высшее или неполное высшее получило 70 % респондентов, 9 % успели окончить школу или несколько классов школы, специальное образование получили 3 %, остальные не получили никакого образования. В Финляндии многие из участников опроса подтвердили диплом, продолжили учебу, окончили языковые курсы, однако более половины из числа опрошенных получили среднее специальное образование или не получали никакого образования. Остались в профессии врачи, медсестры, экономисты, бухгалтеры, портные, предприниматели, научные работники, артисты, художники, учителя, переводчики. Некоторые из опрошенных сменили профессию (как с повышением, так и с понижением в должности и социальном статусе), 10 % остались без работы, несколько человек получают образование в настоящее время.

Многие из респондентов владеют 5–6 языками на высоком (университетском) уровне, некоторые хорошо знают только русский язык, финским овладевали в процессе самообразования. Обычный вариант — русский родной, английский — школа, университет, репетитор,

¹ Следует отметить, что типичной для Финляндии является иммиграция из Эстонии (соседняя страна, в которой также проживало после возвращения из ссылки много финнов-ингерманландцев). Остальные страны исхода достаточно обычны для зарубежья в целом. Отметим, что и русский как родной, как показывают наши предыдущие опросы, обычно изучают представители Украины, Белоруссии, Центральной Азии, бывших стран социалистического лагеря, особенно славяноязычных. В некоторых странах к ним присоединяют представители Балтии и Кавказа.

Табл. 1. Для чего нужны языки в жизни родителей

чтобы / (в %) / язык	русский	финский	английский	другие
общаться с партнером	62	33	14	2
общаться с другими родственниками	96	30	10	7
общаться с детьми	97	24	6	1
общаться с друзьями	94	49	42	8
общаться с коллегами	41	87	50	12
учиться чему-то	59	87	54	14
смотреть телевизор	66	67	37	10
слушать радио	51	67	23	9
читать газеты	59	78	26	8
читать журналы	58	62	32	4
читать книги	89	47	30	7
искать информацию в Интернете	93	88	66	18
переписываться	86	70	46	11
смотреть фильмы	86	54	57	13

финский — языковые курсы. Овладение «малыми» языками (были названы грузинский, латышский, литовский, польский, украинский, эстонский) чаще всего происходило в соответствующей языковой среде, в общении. В семьях финнов-репатриантов финский язык мог быть перенят от старших родственников еще в России. Шведский обычно изучается в школе. Такие финно-угорские языки, как вепсский и карельский, могли быть изучены как в школе, так и в общении, поскольку в Финляндии много иммигрантов из пограничной Карелии. Среди тех респондентов, кто проживает в Финляндии, были люди, успевшие пожить в Германии, Израиле, Италии, Канаде. Русским в основном владеют как родным или на высоком уровне; два участника опроса обозначили свой уровень владения русским как продвинутый. Финским языком большинство респондентов владеют в основном на продвинутом или среднем уровне, несколько человек назвали финский или английский языки в качестве родных (высший уровень

владения). Немецким, французским и шведским большинство опрошенных владеют (за небольшим исключением) несколько хуже. Арабский, испанский, португальский, румынский, чешский языки были упомянуты в единичных случаях. Таблица 1 показывает, что русский доминирует в близком круге общения, но в контактах с внешним миром финский играет иногда более существенную роль.

Кроме того, по словам опрошенных, **русский** язык нужен, чтобы преподавать, учить других языку, осуществлять домашнее преподавание школьных предметов детям, писать стихи, переводить на него и петь песни. **Финский** нужен для учебы, работы, обработки текстов, поиска информации, взаимодействия с местным населением: при общении с соседями, в госучреждениях; на языковых курсах; в банках, магазинах, детских садах, школах, кружках. Некоторые участники исследования используют финский язык для повседневного общения; при работе с клиентами; в преподавании; при заполнении

документов, для пользования различными сервисами в стране проживания; при посещении врача, детского сада/школы. *Английский* нужен для учебы, работы, преподавания; при написании текстов; при необходимости общаться с клиентами или во время поездок за рубеж, иногда в путешествиях. Другие языки в основном нужны для общения и пения.

Из 90 респондентов 60 дали четкий ответ на вопрос «Есть ли у вас определенная этническая, гражданская, национальная, социокультурная идентичность?». Десять человек написали «нет», двое — «да», двое — «есть», но не уточнили свой ответ, один человек написал, что не знает, есть ли у него определенная идентичность. Один участник назвал себя космополитом, а другой — космополитом с советско-российскими корнями. Следующие определения даны по одному разу: *гражданка Эстонии, ингерманландка, ингерманландец (не этническая, а территориально-культурная идентификация), карелка, корейнка с пассивным корейским, хороший человек*. Один респондент идентифицирует себя с Россией. Одно определение было сформулировано пространно²: «Слишком много кровей перепутано: обе бабушки финки (одна из которых американская финка); один дедушка польский немец, другой дедушка шведский украинец; мать в СССР по паспорту была финкой, отцу поставили национальность — русский. Кто я? В Финляндии понимаю, что у нас дома в СССР преваляла финская кухня, пели финские песни, вместе с украинскими и русскими, и английскими. В школе и институте училась на русском, он родной безусловно. Училась и на финском. Так что я многокультурный сплав».

Безоговорочно русскими считают себя 20 человек. При этом другие уточняют свою позицию следующим образом: «этнически русская, феминистка, исследователь», «*ja russkaja hotja v Rossii nikogda ne zhila*», «русскоязычная финляндка», «что-то среднее между русской и финской», «Никогда не называю себя финкой, но по многим параметрам ближе к финнам, чем к русским. В таких понятиях не разбираюсь», «я русскоязычная из Эстонии, живущая в Финляндии», «Я определяю себя как эстонскую русскую, проживающую в Финляндии», «Мы — русскоязычная семья в Финляндии», «Я — русскоязычная гражданка Финляндии, придерживаюсь либерально-демократических взглядов», «русская, с еврейскими корнями», «русскоязычие, многокультурность, любовь к

интеллектуальным занятиям», «Считаю себя русскоговорящим человеком, чей дом находится в Финляндии», «Русская, но без “ура-патриотизма”», «Я — русский, но не отождествляю себя с россиянами. Я думаю, нужно вводить новую идентичность: русскоговорящий, живущий не в России».

На вопрос «Почему вы живете в Финляндии?» ответили 84 человека. При этом примерно в равных пропорциях респонденты пишут о работе (в том числе работе супруга), корнях, браке, семье: *обдуманый переезд со сменой профессии и работы, дети, гражданство, по ингерманландской линии, ингерманландские/финские корни, репатриация/возвращение* (в том числе по линии мужа, по бабушке, бабушке), *моя историческая Родина, брак* (с финном или русским, у которого был вид на жительство), *наша общая страна; родители переехали, по родственным связям* (семейным обстоятельствам). Другие хвалят Финляндию (им здесь нравится: *комфортно, хорошая, безопасная страна*), в том числе хвалят образование/обучение, *спокойствие, стабильность, социальная защищенность*. Говорят о будущем детей, называют (вторым) домом. Нестандартные ответы: «дело случая», «сочли это целесообразным», «отращение от РФ», «близок по духу жизненный уклад».

На вопрос «Где бы вы хотели жить на самом деле и почему?» ответили 73 человека. 32 человека (правда, двое из них назвали еще и Италию) довольны жизнью в Финляндии, чувствуют себя хорошо и позитивно отзываются о стране (например, о спокойствии, образовании, возможностях, правах человека, чистоте, безопасности); трем респондентам было сложно определиться с ответом. Некоторые участники отмечают, что готовы жить везде, где безопасно и комфортно, где развитая социальная среда, или там, где семья, дети, где есть работа. В числе других регионов были названы Австралия, Азия, Англия, Белоруссия, Германия (эти страны — по принципу языка), Греция, Дания, Исландия (из-за непредсказуемости), Испания, Италия (последняя чаще всего из-за климата), Нидерланды, Новая Зеландия, Россия (в ней «интересней»), Санкт-Петербург, США, Швейцария, Швеция, ЮАР. Два человека написали, что лучше жить одновременно и в России, и в Финляндии. Привлекают высокие зарплаты, дешевая еда, стабильность, прогрессивность, государственное устройство, архитектура, живые и открытые люди. Многие говорят о желании жить в теплом месте.

² Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация респондентов.

Вопросы о системе образования

По мнению родителей, «Финляндия абсолютно заслуженно лидер в мировом рейтинге систем образования» (ср.: Сальберг 2015; Уокер 2018). В финской системе образования нравятся: *доступность образования всем жителям страны; равные возможности для всех, поощрение тяги к знаниям; система оценивания, практичность и ясность целей образования; отсутствие завышенных требований, отсутствие платы, качественность, сочетание традиционных и инновационных форм преподавания, мотивация учащегося к самостоятельному поиску информации и решению проблемы, обучение правильной адаптации в социуме, коллективная работа, индивидуальный, целостный подход к каждому с учетом потребностей и способностей*. Респонденты упоминают также *оснащенность библиотек и возможность их использования, возможность выбора направления, учебных дисциплин, отсутствие условностей в бытовой жизни школы, уважение к ребенку/студенту, «подтягивание» слабых*. «Практический подход к образованию, учитываются интересы страны и личности, элементарно не скучно учиться; учат, как знания применяют на практике, готовят к трудовой жизни». «Хорошо организованы языковые курсы для эмигрантов». «Можно поменять профессию в любом возрасте и переучиться». Участники опроса высоко ценят в финском образовании *простоту, отсутствие нездоровой конкуренции, учет темпа развития ребенка, хороший контакт учителей и родителей, вариативность, критичность, конкретность, многогранность/многообразие, отсутствие элитарности, толерантность, честность, человечность, четкость, непринужденность и разнообразие в методах обучения, гибкость, вовлеченность мужчин в образовательные технологии, свободу, своевременную поддержку и адаптацию*. «Система не угнетает и не подавляет личность, ребенок не боится проявить себя». «Учат думать самостоятельно, растят гражданскую и личную ответственность, учат конкретному и практичному».

Опрос выявил и особые мнения: «Не ломают психику детям — не оскорбляет учитель в школе, индивидуальные собрания с родителями, а не на весь класс. Дети не сидят весь школьный день за партой, игры и походы. На переменах дети на улице. Легко связаться с учителем по интернету. Никаких тяжелых заданий, которые вынужден выполнять родитель вместо ребенка.

Предоставлена возможность изучать ОБА родных языка, начиная с эскари³. Ребенку нравится ходить в школу, и это главное». «Дети могут учить разные языки, начиная с детского сада, частные детские сады доступно стоят». «Техническое оснащение на очень хорошем уровне, владение языками (2–3 минимум после школы) и компьютерная грамотность». «Свобода выбора, но в некоторых случаях не хватает академичности. Если сам захочешь учиться, то тебя научат. Если нет — никто не осудит. Задача родителей помочь детям понять, что учиться важно. Учителя в нач. школе особенно обучают детей быть просто хорошими людьми, и это тоже важно». «Никто не вмешивается в процесс воспитания моего ребенка». «В младших классах у детей мало домашних заданий, есть время на игры. Детей особо не нагружают, но знания дают. Нагрузка увеличивается постепенно, творческий подход, ориентация на технологии будущего. На переменах дети гуляют на улице, распределение сил и возможностей, бесплатные учебные материалы и питание». Недовольство школой проявилось в редких случаях: «Зато на способных не хватает ресурсов, нормы достаточно». «С новой системой образования даже не знаю. Школа стала похожа на подход в детском саду: вышли на прогулку — знакомство с тем, что видим. Нет системного подхода. Возможно, это сработает с детьми с гуманитарным складом ума, но не с техническим».

На вопрос, что нравится в системе образования России, было получено существенно меньше ответов: многие отвечали «ничего», «не знаю» (особенно в тех случаях, когда родители не учились в России, а таких много). Респонденты обращали внимание на *глубину и полноту изучения технических предметов/точных наук (математики, физики, химии, прививающих любовь к числам), родного языка, литературы, истории, большие фундаментальные знания отличного качества как основу для жизни (учат думать, учат самодисциплине, учат, как получать знания и наращивать их объем, много учат наизусть), наличие музыкальных и художественных школ как дополнительного образования, многосторонне развивающего личность, изобретательность, «незашиоренность»*. Нравится то, что образование осуществляется на родном языке, что имеется выход к важным научным достижениям, творческий подход, широта кругозора и возможностей, что в школе

³ Esikoulu, сокр. eskari = подготовка к школе для шестилетних детей.

занятия начинаются с 9:00. Было также отмечено следующее: «жесткие рамки, например, дети с первого класса пишут буквы и числа в правильную сторону». К методическим ценностям участники опроса отнесли *повторение пройденного, закрепление и тренировку по конкретным темам в русском языке и математике*. Респонденты отметили, что в СССР образование было доступным, бесплатным, серьезным, давало возможность учиться в вузах, что у учителя был авторитет и высокая квалификация, в том числе у учителей русского языка и других предметов, что учителя строгие, более требовательные, стремятся добиться высокого уровня знаний, дисциплина заметно выше, чем в Финляндии, способных учеников стимулируют к наивысшим результатам, но это подходит не для всех. «Поддержка и мотивация сильных учащихся, возможность для них максимально развивать свои способности (когда это не в ущерб остальным ученикам). Отбор самых одаренных в отдельные классы и школы — это очень эффективный инструмент, но применять его надо предельно осторожно». Респонденты обратили внимание на другие противоречия: «Может, знания и дают более глубокие, но на самом деле так ли это нужно в жизни, и постоянные поборы в школах, такие задания с 1 кл., которые делают родители, а не ребенок...» (пример: портфолио о высших материях). В некоторых ответах констатируется, что *раньше система нравилась, а теперь привыкли к финской, что в российской нагрузка на детей чрезмерна. При всей структурированности и системности образования практической стороны недостаточно. Отталкивает то, что в 1-й класс нужно сдавать экзамены*. Удивляет, что «на выходе финские дети знают не меньше».

На вопрос «Что вы цените в системе образования вообще?» респонденты дали ответы, в которых синтезируется опыт двух стран, а именно: *систематичность, доступность, бесплатность, гуманность, простота, адекватность, креативность, равноправие, взаимоуважение, ориентированность на рынок труда, позитивная учебная среда, возможность каждому найти себя в разных сферах жизни, развитие общего кругозора и знание фундаментальных основ, много- и разносторонность, доступ к разнообразным источникам, выработка умения активно и независимо мыслить (критического мышления), возможность свободно творить, в том числе вместе с преподавателем, быть социально ответственным человеком (социальные навыки)*. Самым главным фактором для участ-

ников опроса оказалась личность учащегося: психологический, индивидуальный подход к каждому, уважение к чувствам ребенка, возможность развиваться в соответствии со своими интересами/способностями, иметь индивидуальную программу образования и получать профессиональную помощь при ее составлении, максимально точное оценивание, мотивация. Система образования, соответствующая условиям, в которых она функционирует, должна быть *гибкой, творческой, уметь заинтересовать, поощрять саморазвитие в будущем, желание учиться*. «Главное — научить учиться, система должна помочь определить способности, которые стоит развивать», «Баланс между свободой и обязательствами. Самовыражение обязательно должно присутствовать, но и контроль/проверка знаний тоже должен быть; образование должно приносить удовольствие, в том числе и от преодоления трудностей. Очень важна заинтересованность ученика в учебном процессе, но не стоит превращать обучение в 100 % игровую форму даже в начальных классах. Преподавателю следует поддерживать в ученике стремление познавать и изучать, а не просто весело проводить время в школе», «Для того, чтобы вырастить всесторонне образованного человека, базовые знания по всем предметам должны закладываться учителями, не рассчитывая на собственную мотивацию ребенка. Ближе к старшей школе уже можно полагаться на склонности и мотивацию». В опросе встречаются и более «жесткие» формулировки: *важен результат, обучение новым навыкам, овладение информацией и навыкам ее использования в повседневной и профессиональной жизни, отсутствие шаблонного мышления, элитарность* («дети должны быть отсортированы, чтобы слабые дети не тянули вниз весь класс»), *развитие способности мыслить, анализировать, выстраивать причинно-следственные связи, применять теорию на практике, извлекать пользу для жизни и дальнейшей карьеры, давать прикладные знания, учить языки*. Респонденты высказывали мысли и о вариативности, а также о сотрудничестве учителей, детей и родителей. Учитель должен быть одаренным, требовательным и опытным, способным заинтересовать, корректировать программу в зависимости от результатов; «комфорт в системе “педагог — ученик” и в целом в детском коллективе для ребенка, возможность побудить любопытство, собственную исследовательскую активность ребенка, поддержка выбора ребенка, возможность удовлетворить в достаточной мере инте-

Табл. 2. Мнение о многоязычной жизни (в процентах от числа респондентов)

	доминирует один язык	два языка на равных	три языка на равных	нет ответа
до школы	27	60	9	4
в начальной школе	15	65	17	3
в средней школе	11	42	39	2
в профобразовании	16	28	46	10
в семье	40	39	13	8
в свободное время	4	46	39	11

рес». «Хорошее образование — это то, в котором предмет не “вкладывается” в головы учащихся, а рассматривается и развивается вместе с учащимися». Один ответ был сформулирован так: «Как в Финляндии».

Представления об оптимальном языковом планировании

На вопрос: «Ваше мнение о многоязычной жизни: как должно быть?» отдельные участники опроса отреагировали так: «Я не могу ответить, т. к. не считаю, что тут уместно долженствование вообще. Все зависит от ситуации, от семьи. Ответить можно, только когда обозначены минимальные условия, типа: родные языки родителей, язык страны...» В другом случае: «Использование языков в той или иной среде и ситуации, их количество зависит только от ребенка. Мое мнение тут не при чем... Дети используют три языка и дома, и вне дома, но как должно быть и как лучше — решать не родителям».

Характеристика многоязычных детей

Количество детей на всех респондентов в целом составило 151, из них 87 учат русский язык дома; в двуязычном детском саду, школе, классе — 12; на факультативных занятиях в школе — 33; в школе при посольстве — 5; в кружках, секциях, клубах — 41; по скайпу с педагогом из России — 2; с бабушками и дедушками — 54 (в том числе по скайпу из России); в детских лагерях — 11; несколько человек посещают логопеда. Перечислены и иные возможности: друзья, родственники, другие русскоязычные семьи, театр, интернет, аудиокниги,

книги, репетитор, уроки с родителями, русский как иностранный в школе, мультики, фильмы, российское ТВ. Трое детей специально не занимаются русским языком, такой подход был обозначен как «дома, в семье».

Опрошенных родителей попросили определить свое отношение к тому, как дети владеют русским языком: «довольны» — в отношении 55 детей (варианты: *весьма, очень, абсолютно, пока, сносно, относительно, на данный момент, на данном этапе, более или менее, частично, дети разные, для ребенка, не живущего в среде, для данного возраста лучше не получится*), «недовольны» — в отношении 28 детей. Многие респонденты не могли определиться с ответом: «Пока что в силу возраста рано давать оценку этому явлению. Но тревожит произношение ребенка и дальнейшие проблемы со становлением одного», «Пока еще нет, но мы работаем над этим», «Мои дети маленькие, не могу ответить на этот вопрос», «Говорят свободно, но ленятся думать. Время, которое проводится в России, дает новый толчок в финском, русский разговорный идет лучше. На слух воспринимают чтение, но больше любят, когда перед сном по-фински читают. Занимаемся алфавитом». «Занимаемся дома дополнительно. Но у моего сына язык более развит, чем у всех других детей (6–11 лет) в русскоязычной группе, с которой я занимаюсь, возможно, потому, что первые 4 года он прожил в России, а также потому, что мы с мужем много ему читаем, и мотивация правильно говорить и писать на родном языке у сына очень высокая». Уровень владения русским языком различается у старших и младших детей, причем более успешными могут быть как те, так

и другие, однако степень владения устным и письменным языком, грамматикой, фонетикой может быть различной. Респонденты отмечали проблемы с речью, говорением, словарным запасом, орфографией, отставание письменной речи от устной. При этом навыки могут быть развиты на разных уровнях: *говорит без акцента, неплохой словарный запас, но не пишет; пишет, но неграмотно, много ошибок*. Следует отметить, что родители отдают себе отчет в том, что добиться более высокого уровня владения языком вне языковой среды трудно, особенно если в семье используются три языка: «с ними говорю только я, и этого очень мало», «стараясь помогать», «не очень довольна, но и заставлять их не хочу».

Следующий вопрос затрагивал удовлетворенность владением другими языками: «Довольны ли вы тем, как дети владеют финским/шведским/английским/другим языком?» Негативных ответов было дано 8, большинство ответов позитивные, участники опроса подчеркивали, что финским дети владеют на уровне родного. Некоторые из них отметили, что русский у детей отстает от других языков, но бывают проблемы с говорением и на других языках или с иными речевыми умениями. Родители выражали желание, чтобы владение их детей английским языком в скором времени приблизилось к уровню владения русским, а знание финского — к знанию английского языка. Было также отмечено, что уровень языка соответствует возрасту, что у некоторых детей овладение вторым языком еще только начинается (например, младший ребенок еще не ходит в школу, а старшие уже давно учатся в школе), что нет предела совершенству. Сравнивая языки, респонденты написали в своих ответах: «Финский — да. Английский в процессе обучения. Курдский язык развит хуже финского и русского, но на занятия ходят», «Финский первый родной, сильный, образное мышление развито, фантазии. Английский развивается планомерно через игры и общение», «английский пока слабоват, за шведским не слежу — пусть идет как идет», «финский первый, т. к. ходят в финский садик, английский второй: с отцом говорят по-английски + ТВ, Интернет, путешествия», «Старшая отлично владеет финским, хорошо немецким. Младшая — хорошо финским», «Мои дети изучали также японский, французский и вполне довольны собой», «Старший — подтянул в эскари, до этого была обеспокоена его слабым уровнем финского языка. Младшая понимает, но говорит максимум 10 слов на финском», «Английским мы занимаемся с репетитором, и дело идет очень

хорошо. Финским, по словам учителей, он владеет почти свободно, хотя легкий русский акцент остается», «Финский как родной. Английский на отлично, шведский не интересует, но 8 баллов». В одной и той же семье возможна такая ситуация: «Дочь отлично владеет финским. Сын лучше говорит по-русски, что меня немного расстраивает». Родители констатировали, что в детском саду уделяется мало внимания языку окружения (это соответствует программе дошкольного образования: предполагается, что дети выучат второй язык в игре и коммуникации).

Использование новых медиа

Важным для исследования было выяснение вопроса, сколько времени в день дети проводят за компьютером/с телефоном/с планшетом. Выяснилось, что 83 ребенка проводят за компьютером 1–2 часа в день, 37 — 3–4 часа в день, 4 — 5–6 часов, 6 — 7–8 часов, 4 — более 8 часов. Детям больше всего нравится с помощью компьютера/планшета/телефона/игровой приставки играть в игры, искать информацию, общаться (с родственниками и друзьями, в том числе из других стран), проводить время в социальных сетях (Instagram, WhatsApp), слушать песни и музыку; смотреть сказки онлайн, познавательные программы, развивающие передачи про животный мир, устройство мира, мультфильмы, сериалы, фильмы, видео в YouTube, в т. ч. видеоблоги. При этом дети используют разные языки. Дети также читают книги онлайн, учат химию, физику, ищут видео для поделок, используют игры-сказки, работают, смотрят новости, создают самостоятельно мультфильмы, делают и обрабатывают фотографии, некоторым нравится «плыть по ссылкам незнамо куда». Иногда родители ограничивают детей: *не смотрит ни минуты, крайне редко, не пользуется вообще, ограниченно, но качественные передачи, смотрят мульттик перед сном/по выбору родителей*. Характерные комментарии: «Почему нет варианта 0 часов у компьютера?» «Мои дети проводят дома за компьютером/телефоном/планшетом в основном для общения с бабушками/дедушками из России по WhatsApp или Skype». «Разрешается 15 мин в день максимум для старшей на Instagram. Младшая раз в два-три дня смотрит мультфильм на русском. У старшей в школе есть задания на планшетах — точное время родителям не известно, но оно варьируется из недели в неделю. У младшей в эсикоулу есть задания на планшетах пару раз в неделю». «Младший третий ребенок не проводит время за планшетом, компьютером, телефоном совсем.

Телевизор смотрит от 1 до 2 часов в день и то не в каждый день».

Вопрос: «Почему, с точки зрения родителей, важно, чтобы дети пользовались Интернетом?»
 Ответы: «В современном обществе очень тяжело прожить без знания информационных технологий», «Побеждает не тот, кто больше знает, а тот, кто может быстрее найти ответ на вопрос», «Почему важно дышать или есть?», *чтобы были на уровне, подготовка в мир, в жизни пригодится, это современная реальность, наше настоящее, неотъемлемая часть жизни, необходимое и естественное знание и умение, инструмент, чтобы могли быстро найти и фильтровать информацию, развивали логику, получали новые знания, занимались самообразованием, для работы, общения, по школе, для изучения иностранных языков, поддержки русского языка, это приятно и полезно.* Некоторые родители сочли, что это вообще не важно, а младшим Интернет вообще не нужен: «детям не нужно позволять слишком рано и много пользоваться интернетом», «Не считаю, что важно, но и запрещать не буду», при условии, что родители в курсе, что ребенок делает.

Дополнительное обучение

Наряду со школьным обучением важно, какие кружки посещают дети на русском языке. Опрос показал, что русским языком в кружках занимаются 19 детей (из них двое еще и русской культурой, а один литературой), развивающие занятия посещает 9 человек (один из них готовится к школе), художественные кружки — 14, двое делают поделки своими руками, театром увлекаются 7 человек, шахматами — 1, танцевальный кружок посещают 5 детей, музыкальный — 9, пением заняты 3, гимнастикой — 2, другими видами спорта — 8 человек (в том числе это борьба, фигурное катание, плавание). Кроме того, дети занимаются математикой, логикой, психологией, игрой на пианино и на скрипке, посещают семейный приходской кружок, занимаются анимацией, играют в «Что? Где? Когда?». Многие не посещают кружков, т. к. не нашли интересных предложений на русском языке или в этом городе/селе кружков просто нет.

Дети посещают спортивные кружки с общением на финском языке: в 14 случаях было написано о занятиях в спортивных кружках, столько же — в секциях футбола и плавания, гимнастики, фигурного катания (по 5), каратэ (3), тхэквондо, скаутов, фехтования, легкой атлетики, тенниса (по 2), по одному разу были упомянуты паркур, шахматы, волейбол, basket-

бол, борьба, дзюдо, лыжи. Художественную школу посещают 8 человек, архитектурную — 1, музыкальные занятия — 14, занятия в хоре — 3, танцы — 8; трое детей играют на пианино, один занимается ручным трудом. Научный клуб при школе посещает один человек и один человек ходит в православный кружок. Интересно, что в ответах на вопросы этого раздела родители использовали много финских слов. Некоторые дети посещают кружки с общением на других языках (английском, арабском, испанском, немецком, шведском), такие как хор, пианино, театральные кружки, группы по подготовке к школе, гимнастика, рукоделие или языковые занятия.

Перспективы развития родительских объединений

В рамках исследования был задан вопрос о том, что, по мнению респондентов, может сделать объединение русскоязычных родителей в Финляндии. Были даны следующие ответы: *расширить круг русскоязычного общения, делиться советами и идеями по воспитанию детей, обмениваться разной полезной бытовой информацией, «приобретать» русскоязычных друзей для собственных детей, помогать детям адаптироваться в чужой стране с чужим языком, овладевать русским языком и не стесняться быть русским, популяризировать двуязычие, разъяснять родителям, как можно поддерживать оба языка без ущерба, устраивать мероприятия для вновь прибывающих, информировать их.*

Родители высказали конкретные предложения: *улучшить в финских садах языковые занятия с детьми-иностранцами, добиться введения специальных тестов для билингвов, организовать интересные кружки на русском языке, сделать изучение русского языка в школах более доступным, качественным и эффективным, организовать дополнительные школы, кружки вне рабочего времени, недалеко от дома, совместные игры в leikkiyistot (т. е. на детских площадках) по районам. Донести до всех русскоязычных родителей необходимость дополнительных занятий по русскому языку, довести русский язык до уровня родного/профессионального (а не только домашнего) общения. Добиваться, чтобы у двуязычных детей в каждом муниципалитете была бы возможность изучать русский как родной с первого класса. Упорядочить программу дошкольного образования и школьного образования по русскому языку (в том числе в кружках).* Родители предложили реализовывать на практике программы для детского общения: «Я работаю с детьми здесь

и сейчас и могу поделиться наблюдениями, очень конкретными». «Пробивать больше уроков русского в школе, хотя бы 3–4 в неделю, и не только после уроков. Финляндия только выиграет, если больше граждан будут владеть и русским, и финским одинаково хорошо. Наверное, многие преподаватели должны жаловаться на отсутствие подходящих материалов (и стоило бы наладить взаимообмен опытом и разработками в интернете), но меня полное отсутствие рамок и программ только раскрепощает, и очень выручает интернет и собственная фантазия. Двужычные дети все настолько разные, что всё равно больше подстраиваешься под них, а не под учебник».

Родители хотели бы знакомить своих детей с русской культурой (приглашать больше писателей, знакомить с традициями, показывать родные корни, искусство и т. д.), иметь интересные пособия по межкультурной коммуникации, организовывать больше лагерей и семейных мероприятий по всей стране и не только летом; устраивать встречи, беседы, кружки общения в разных городах, искать новые идеи, создавать группы по интересам, проводить различные содержательные мероприятия для детей, например, детский университет, интерактивные выставки.

Разумеется, среди родителей были и скептики, которые полагают, что исследований было уже много и они не помогли, что подобных объединений достаточно, что нет смысла и цели, ничего не получится, будет только вред, не все родители хотят объединения: «К сожалению, русскоязычная диаспора отталкивает от себя распрями, сплетнями, негативом. Не вижу дружелюбности, открытости и единства. Русских или русскоговорящих много, а поговорить не с кем. Сообщества русскоязычных или эмигрантов есть, но в деятельности слишком много “но”. Мой русскоязычный круг общения больше связан с профессией».

Ряд участников написали комментарии.

- Родной русский дети должны изучать основательно в семье. Родители ни в коем случае не должны пытаться разговаривать с ребенком на ломаном финском! Финский ребенок выучит и сам при общении со сверстниками, во время учебы, в садике. Ни у одного, ни у второго ребенка нет никаких проблем с языками. Наоборот, наличие двух языков помогает в изучении дополнительных языков к основным.

- В данный момент читаю много о билингвизме, хотелось бы вырастить двужычного ребенка, ей пока 1 год, только начинает говорить. В нашей семье система — 1 родитель — 1 язык.
- Наш случай — оба родители русскоговорящие. Дома — только русский. Исключение — помощь в выполнении домашнего задания. Ребенок приехал в Финляндию с хорошим знанием русского языка в возрасте 5 лет (построение предложений, самостоятельное чтение книг, написание печатных букв, много стихов наизусть). Новый язык ребенок учил уже в дошкольном образовании (подготовительный класс) без переводчиков и прочих помощников (образование на шведском).
- В семье никто не говорит по-фински, государственный язык Финляндии, которым мы пользуемся в рамках взаимодействия с разными структурами и учреждениями, — шведский. Если коммуникация с теми, кто не говорит по-шведски, — тогда по-английски. Ребенок с полутора лет посещает шведский детский сад.
- При обучении русскоязычных я постоянно сталкиваюсь с двумя проблемами: во-первых, низкая мотивация родителей: некоторые (у кого мужа-финны) вообще не хотят, чтоб дети даже говорили по-русски, а те, кто хотят (в основном, когда и мама, и папа русские) — делают для этого крайне мало. Чем пассивнее родители, тем ниже мотивация детей. Если родители не прививают привычку читать по-русски, детям категорически не хватает школьных занятий для полноценного развития языка. (Ну, и изредка попадаются монстры, которые требуют на занятиях железной дисциплины и результата не хуже, чем в русской школе, и с такими приходится бороться, чтоб их дети не возненавидели родной язык.) Во-вторых, восприятие русского языка как третьестепенного в финской системе образования. Но у нас всё еще не так плохо: и кружок, и один урок в неделю мне хотя бы оплачивают.
- Мы делаем все от нас зависящее: собираем всех, кого удастся встретить, и город предоставляет нам помещение для встреч один раз в неделю. Другое дело, что это интересно далеко не всем, ибо в основном кружок актуален для детей дошкольного возраста, поскольку встречи проводятся в детском саду.

Выводы

Исследование показало, что русские родители в Финляндии занимают достаточно оптимистичную, активную и здравую позицию в отношении возможности воспитать ребенка многоязычным. Они в основном довольны школьной системой Финляндии, которая сочетает как консервативные, так и прогрессивные подходы и в которой поддерживается равное участие каждого из участников педагогического процесса. Учитель прислушивается к мнению учащегося, принимает его вне зависимости от его успеваемости, отсутствует постоянное давление быть лучше всех, нет ориентации на получение отличных оценок, зато дается много нужных для жизни практических знаний. Ответственность школы чувствуется и в поддержке домашнего языка, однако она не является достаточной для полноценного овладения им. Так, отсутствует поддержка в обучении специальной лексики: нужны курсы математики, биологии, географии, истории и других школьных дисциплин, которые обогащали бы словарный запас детей, ощущается дефицит более фундаментального подхода к наукам и помощи одаренным детям. Многоязычие оценивается позитивно и обществом, и родителями.

Дети в одной и той же семье могут быть по-разному способны к языкам. Все семьи нуждаются в поддержке при «выстраивании» правильной семейной языковой политики сразу после переезда в страну, поэтому нужна информация о том, как создать благоприятную атмосферу для становления мультилингвальной личности. Необходимо дать дополнительные возможности для изучения родного языка и знакомства с родной культурой, проводить больше русскоязычных мероприятий для детей. Родители предлагают обмениваться опытом, профессионально выстраивать диалог на принципах доверия, открытости, учитывая индивидуальные особенности как родителей, так и детей. Уроки русского как домашнего в школах пока не находятся на должном уровне, хотя многие учителя стараются реализовывать интересный и современный подход к детям. Родители предлагают сделать проблемы русскоязычных детей видимыми для общества, помочь детям стать равноценной (естественной) частью финского общества.

Благодарности

Выражаю благодарность Светлане Кириченко за помощь в обработке статистических данных, полученных в ходе опроса.

Литература

- Бурса, А. (2016) Европейский проект по сотрудничеству с семьей в вопросах двуязычия. В кн.: Н. Антонова, Е. Протасова, Й. Сиркия (ред.). *Возвращение к двуязычию в детских садах России: опыт регионов*. Helsinki: Suomi-Venäjä-Seura, с. 173–186.
- Бурса, А. (2019a) Семейная языковая политика: языковое планирование и его реализация на практике. В кн.: Ю. Меньшикова, Е. Протасова (ред.). *Многоязычие и образование*. Berlin: Retorika, с. 159–170.
- Бурса, А. (2019b) Сотрудничество семьи и общества в воспитании двуязычия. In: A. Nikunlassi, E. Protassova (eds.). *Russian language in the multilingual world*. Helsinki: University of Helsinki, pp. 320–329. (Slavica Helsingiensia; No. 52).
- Кошкина, А. (2019) Большие школьные перемены. *Профиль*, № 26 (89), с. 50–55.
- Никунласси, А., Протасова, Е. (ред.). (2018) *Многоязычие и семья*. Berlin: Retorika, 208 с.
- Сальберг, П. (2015) *Финские уроки: история успеха реформ школьного образования в Финляндии*. М.: Классика XXI, 240 с.
- Уокер, Т. (2018) *Финская система обучения. Как устроены лучшие школы в мире*. М.: Альпина Паблишер, 256 с.
- Chumak-Horbatsch, R. (2008) Early bilingualism: Children of immigrants in an English-language childcare center. *Psychology of Language and Communication*, vol. 12, no. 1, pp. 3–27. DOI: 10.2478/v10057-008-0001-2
- Haque, S., Le Lièvre, F. (eds.). (2019) *Politique linguistique familiale: Enjeux dynamiques de la transmission linguistique dans un contexte migratoire*. München: LINCOM, 235 p.
- Hart, B., Risley, T. R. (1995) *Meaningful differences in the everyday experience of young American children*. Baltimore: Brookes Publishing Company, 256 p.
- Kheirkhah, M. (2016) *From family language practices to family language policies: Children as socializing agents*. Linköping: Linköping University Electronic Press, 58 p. (Linköping Studies in Arts and Science. No. 676). DOI: 10.3384/diss.diva-126178
- Protassova, E. (2018) Multilingual education and family language policy. *International Journal of Multilingual Education*, no. 11, pp. 102–111. DOI: 10.22333/ijme.2018.110015

- Ringblom, N., Karpava, S. (2020) Family language policy, Russian language use, maintenance, and transmission in Cyprus and Sweden. In: A. Mustajoki, E. Protassova and M. Yelenevskaya (eds.). *The soft power of the Russian language. Pluricentricity, politics and policies*. London; New York: Routledge, pp. 237–244.
- Schwartz, M., Verschik, A. (eds.). (2013) *Successful family language policy: Parents, children and educators in interaction*. Dordrecht: Springer, 295 p. DOI: 10.1007/978-94-007-7753-8
- Smith-Christmas, C. (2016) *Family language policy: Maintaining an endangered language in the home*. Houndmills; New York: Palgrave Macmillan, 137 p. DOI: 10.1057/9781137521811
- Wilson, S. (2020) Family language policy through the eyes of bilingual children: The case of French heritage speakers in the UK. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, vol. 41, no. 2, pp. 121–139. DOI: 10.1080/01434632.2019.1595633

References

- Bursa, A. (2016) Evropejskij proekt po sotrudnichestvu s sem'ej v voprosakh dvuyazychiya [The European project on cooperation with the family on the issues of bilingualism]. In: N. Antonova, E. Protassova, J. Sirkija (eds.). *Vozvrashchenie k dvuyazychiju v detskikh sadakh Rossii: Opyt regionov [The return to bilingualism in the kindergartens of Russia: The experience of the regions]*. Helsinki: Suomi-Venäjä-Seura, pp. 173–186. (In Russian)
- Bursa, A. (2019a) Semejnaya yazykovaja politika: Yazykovoje planirovanie i ego realizatsiya na praktike [The family language policy: Language planning and its implementation]. In: Ju. Men'shikova, E. Protassova (eds.). *Mnogoyazychie i obrazovanie [Multilingualism and education]*. Berlin: Retorika, pp. 159–170. (In Russian)
- Bursa, A. (2019b) Sotrudnichestvo sem'i i obshchestva v vospitanii dvuyazychiya [Collaboration between the family and society on bilingual upbringing]. In: A. Nikunlassi, E. Protassova (eds.). *Russian language in the multilingual world*. Helsinki: University of Helsinki Publ., pp. 320–329. (Slavica Helsingiensia; No. 52). (In Russian)
- Chumak-Horbatsch, R. (2008) Early bilingualism: Children of immigrants in an English-language childcare center. *Psychology of Language and Communication*, vol. 12, no. 1, pp. 3–27. DOI: 10.2478/v10057-008-0001-2. (In English)
- Haque, S., Le Lièvre, F. (eds.). (2019) *Politique linguistique familiale: Enjeux dynamiques de la transmission linguistique dans un contexte migratoire [Family language policy: Dynamics in language transmission under a migratory context]*. München: LINCOM, 235 p. (In English and French)
- Hart, B., Risley, T. R. (1995) *Meaningful differences in the everyday experience of young American children*. Baltimore: Brookes Publishing Company, 256 p. (In English)
- Kheirkhah, M. (2016) *From family language practices to family language policies: Children as socializing agents*. Linköping: Linköping University Electronic Press, 58 p. (Linköping Studies in Arts and Science. No. 676). DOI: 10.3384/diss.diva-126178 (In English)
- Koshkina, A. (2019) Bol'shie shkol'nye peremeny [Big school changes]. *Profil'*, no. 26 (89), pp. 50–55. (In Russian)
- Nikunlassi, A., Protassova, E. (eds.). (2018) *Mnogoyazychie i sem'ya [Multilingualism and family]*. Berlin: Retorika, 208 p. (In Russian)
- Protassova, E. (2018) Multilingual education and family language policy. *International Journal of Multilingual Education*, no. 11, pp. 102–111. DOI: 10.22333/ijme.2018.110015 (In English)
- Ringblom, N., Karpava S. (2020) Family language policy, Russian language use, maintenance, and transmission in Cyprus and Sweden. In: A. Mustajoki, E. Protassova, M. Yelenevskaya (eds.). *The soft power of the Russian language. Pluricentricity, politics and policies*. London; New York: Routledge, pp. 237–244. (In English)
- Sahlberg, P. (2015) *Finskie uroki: Istoriya uspeha reform shkol'nogo obrazovaniya v Finlandii [Finnish lessons: What can the world learn from educational change in Finland?]*. Moscow: Klassika XXI Publ., 240 p. (In Russian)
- Schwartz, M., Verschik, A. (eds.). (2013) *Successful family language policy: Parents, children and educators in interaction*. Dordrecht: Springer, 295 p. DOI: 10.1007/978-94-007-7753-8 (In English)
- Smith-Christmas, C. (2016) *Family language policy: Maintaining an endangered language in the home*. Houndmills; New York: Palgrave Macmillan, 137 p. DOI: 10.1057/9781137521811 (In English)
- Walker, T. (2018) *Teach like Finland: 33 simple strategies for joyful classrooms*. Moscow: Alpina Publ., 256 p. (In Russian)
- Wilson, S. (2020) Family language policy through the eyes of bilingual children: The case of French heritage speakers in the UK. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, vol. 41, no. 2, pp. 121–139. DOI: 10.1080/01434632.2019.1595633 (In English)